

Предупреждение

Прежде чем начать чтение, обратите внимание: эта книга содержит материалы, не предназначенные для впечатлительных читателей. Если вы относите себя к их числу, будьте осторожны.

- Насилие
- Нецензурная лексика
- Асфиксия
- Убийства / смерть
- Откровенные сексуальные сцены
- Упоминания сексуализированного насилия
- пытки

ГЛАВА I

Илаяна Волкова

— Илаяна Волкова! Поднимай задницу с кровати, сейчас же! — раздался низкий голос из-за двери моей спальни. За этим последовало три оглушительных удара, от которых задрожали стены.

Я подскочила. Волосы растрепаны, ноги запутались в одеяле. Я приложила руку ко лбу, закрыла глаза и раздраженно застонала.

Черт, слишком рано.

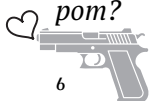
Еще один удар в дверь вывел меня из ступора, вынудив распахнуть глаза. Жар тела рядом со мной заставил меня вывалиться из кровати.

О, твою ж мать.

Там, на кровати, был — блин, как же его зовут-то — мой парень-однодневка. Ну, назовем его так.

После умопомрачительной ночи в одном из наших ночных клубов, «Дистории» (где я отмечала свой двадцать первый день рождения с близкими друзьями), я, должно быть, завалилась домой, притащив этого пацана с собой.

Как я провела его мимо охранников у главных во-
рот?

Я обвела взглядом лежащего в моей кровати мужчину. Мне кажется, или он выглядел гораздо привлекательнее прошлой ночью?

Пиво туманит разум, Илаяна. Это все чертовое пиво.

Он не то чтобы непривлекательный — просто не мой типаж. Подтянутый, хотя, если честно, скорее худощавый. Длинные темные волосы, кое-где с проступающими светлыми прядями.

М-да... И я думала, это секси?

Лицо круглое, почти детское, нос приплюснутый — такое впечатление, что в детстве его несколько раз огрели лопатой и он так и не оправился.

Под чем я была вчера?

Опустив взгляд, я поняла, что обнажена.

Бля.

Я быстро пробежала в сторону гардеробной и сорвала с крючка халат. Завязав пояс вокруг талии, прошла обратно к кровати как раз к тому моменту, когда еще один удар сотряс комнату.

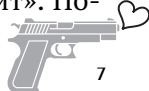
— Илаяна-а! — раздалось рычание, в котором я узнала голос моего старшего брата Александра.

— Секунду! — прокричала я, потянувшись к телефону. Быстро набрала своей лучшей подруге Татьяне. Она ответила после пятого гудка.

— Надеюсь, у тебя есть охрененно важная причина звонить мне так рано, — проворчала она еще хриплым со сна голосом.

— Бля, какого хрена ты позволила мне притащить какого-то парня домой? Ты с ума сошла? — прошипела я, сжимая телефон.

— Да ни хуя я тебе не позволяла. Я пыталась тебя остановить. А ты сказала — цитата: «Если я захочу переспать с кем-то, меня никто не остановит». По-

том ты ушла, таща этого парнишку за собой. И че мне было делать? Остановить тебя силой?

— Ну, вообще, было бы славно. Мой отец сойдет с ума, когда об этом узнает!

— Ну, тогда надо сделать так, чтоб не узнал. Пф.

Если бы я могла ударить ее, так и сделала бы. Впрочем, это была не совсем уж ее вина. У меня должно было быть достаточно здравого смысла не притаскивать его домой. Но все же — это она была как стеклышко вчера ночью — тот самый «трезвый водитель», — а вовсе не я. Так что у нее должно было хватить работающих клеток мозга, чтобы осознать, какая это будет ужасная ошибка.

— И как же мне это сделать?

— Не знаю, разберись там и перезвони мне потом. Я иду спать.

— Татьяна, даже не вздумай...

Она повесила трубку.

Вот сучка.

Татьяна была моей лучшей подругой столько, сколько я себя помню. Так как я выросла в Братве, иногда было тяжело заводить друзей за ее пределами, но, к счастью, Татьяна была исключением. Ее отец работал на моего больше двадцати лет, еще до того как мы переехали в Америку. Как один из советников моего отца, он всегда был рядом и брал с собой дочь. Мы с Татьяной сразу нашли общий язык. На самом деле, мы просто обе поехавшие: всегда готовы ввязаться в неприятности, еще с тех пор как были детьми.

Мужчина все еще спал в моей кровати — обнаженный, одеяло прикрывало его лишь до середины бедер. Я положила телефон на прикроватную тумбочку, подняла ногу и пнула его, пытаясь заставить встать.

— Ауч, — прошипела я, снова пиная его.

Он простонал, переворачиваясь на бок, лицом ко мне, и открыл глаза.

Ах, так вот в чем дело.

У него разные глаза — один голубой, другой карий. И я уже начинаю заводиться.

Он моргнул пару раз, прежде чем эти охуенно сексуальные глаза сфокусировались на мне.

— Если тебе дорога жизнь, ты сейчас же встаешь и прыгаешь из окна, — сказала я, указывая на большое окно слева.

Моя комната была на третьем этаже, так что падение должно быть неприятным. Но, в сравнении с тем, что его ждет, если мой отец узнает, что он тут был, честно говоря, я бы сама предпочла окно.

— Чего? — Его голос был хриплый и низкий со сна.

Громкий стук, за которым последовали ругательства на русском, заставили Сексиглазку абсолютно голым выпрыгнуть из кровати. Дверь в мою спальню распахнулась с такой силой, что врезалась в стену.

Следующее, что произошло, — вошел мой старший брат Александр во всей своей двухметровой красе.

Он просто огромный — телосложение профессионального рестлера — и достаточно высокий, так что ему приходится нагибать голову каждый раз, когда он входит в дверной проем. Он — гордость и радость моего отца, он — следующий Волков, который займет трон и продолжит наше дело. Для Александра открыт весь мир. Кроме того, он красавчик. И чертовски хорошо это знает. Черные волосы коротко подстрижены и аккуратно уложены, а точеная челюсть всегда манит женщин, как и его пронзительные ярко-голубые глаза.

Александр вошел так, словно уже возглавлял Братву, и остановился в шаге от меня. Его взгляд метнулся с Сексиглазки на меня и обратно, на его лице — фирменная хмурая мина. От него разило мужественностью так сильно, что можно было задохнуться, если сделать лишний вдох.

Сексиглазка ежился под его пристальным взглядом, переминаясь с ноги на ногу. Он смиренно опустил голову, мягкий член болтался между ног, руки безвольно висели по бокам.

Александр полностью повернулся ко мне и пригвоздил меня к полу взглядом.

— Серьезно, Илаяна?! — прорычал он.

Хоть я и была метр девяносто, мне все равно пришлось запрокинуть голову, чтобы взглянуть ему в глаза.

— Что? — невинно спросила я.

Нужно что-то, чтобы отвлечь его.

— Ты забыл, что сегодня мой день рождения?

Александр прищурился на меня и нахмурился, снова переводя взгляд на Сексиглазку.

О-хо-хо, так он и правда забыл. И я собираюсь использовать это в свою пользу.

— Боже мой, ты и правда забыл! — упрекнула я, тыча пальцем ему в грудь. — Мой собственный брат забыл про мой день рождения! Мое сердце разбито! — драматично воскликнула я, поднося тыльную сторону ладони ко лбу и покачиваясь, словно у меня закружилась голова.

Он снова посмотрел на меня с явным раздражением.

— Чего ты хочешь, Илаяна?

Ах, старший братик так хорошо меня знает. Конечно, мне плевать, что он забыл про мой день ро-

ждения, но я знала, что надо только правильно разыграть карты, чтобы получить желаемое. И он знал, что я это знаю. Скажем так, это был не первый такой раз.

— Как насчет того, чтобы ты вместо подарков в этом году помог мне с этой малюсенькой проблемой? — спросила я, с явным намеком указывая большим пальцем на Сексиглазку.

Александр закрыл глаза и сделал глубокий вдох, будто ему нужно было время, чтобы собраться с силами и снова посмотреть на меня. Он повернулся и направился к обнаженному мужчине, все еще находившемуся в моей спальне.

Сексиглазка вскинул голову и отодвинулся назад, подняв руки в знак капитуляции.

— Какого черта происходит?! — заорал он, продолжая двигаться назад. Его ноги уперлись в край кровати, и Александр положил руку ему на плечо, заставляя его сесть.

Не тратя времени, Александр вытянул из внутреннего кармана пиджака пистолет и приставил дуло прямо между глаз этого неудачника.

Со стороны Сексиглазки раздался характерный звук, и он упал на кровать без сознания.

— Я заберу его в яму, мы разберемся с ним позже, — сказал Александр, подняв безвольное тело и перекинув его через плечо. — Тебе надо поторопиться и одеться. Или ты забыла, что *отец* созвал сегодня утром встречу?

— Блять! — воскликнула я, устремляясь к гардеробной.

— Именно — «блять», — пробормотал Александр, направляясь к двери.

Не обращая на него внимания, я быстро собрала себе наряд — простые черные джинсы и топ того же цвета — и метнулась в ванную. После быстрого душа я оделась и спустилась по лестнице вниз.

Наш дом (хотя говорят, что он больше походит на особняк) занимает несколько сотен ярдов земли. Участок окружен забором и круглосуточно охраняется людьми моего отца. Он именно настолько вычурный, насколько можно себе представить дом лидера Братвы: трехэтажное здание, построенное в викторианском стиле, явно заслуживающее своего имени. С башенками, крылечками по периметру, декоративными перилами и каменной облицовкой — все, как представляла моя мама.

Спустившись по широкой винтовой лестнице, я попыталась взять себя в руки. Отец сказал нам вчера, что он хочет провести встречу завтра утром и обсудить что-то важное. Конечно, я мало его слушала: я морально готовилась к тому, чтобы как следует потрахаться ночью.

Сейчас я за это расплачивалась.

Я понятия не имела, о чем будет встреча, и очень надеялась, что отец вчера не назвал нам причину. Иначе я буду следующей, кому придется провести с ним пару раундов на ринге.

Пока мы росли, я и мои братья постоянно ввязывались в ссоры. Причем мы могли как просто орать друг на друга, так и по-настоящему драться. Мы ссорились из-за любых мелочей. И это не учитывая бесчисленных розыгрышей, которые мы устраивали друг другу. И иногда эти невинные шутки выходили из-под контроля.

Однажды мы с Лукьяном решили, что Александру надо слегка подраслабиться, так что мы смешали

водку с рогипнолом (широко известным как руфи) и, как только он отрубился, связали его и оставили голышом в одном из наших стрип-клубов. Как выяснилось позже, проснулся он перепачканным помадой одной из стриптизерш. Александр был в бешенстве и совершенно растерян: он понятия не имел, как очутился в стрип-клубе, да еще и с приклеенной к груди запиской на русском: «С любовью, Лукьян и Илаяна».

Когда Александр вернулся домой, держа в руке наше послание, он был готов начать войну. Однако мы разобрались с этим так же, как и со всем, — на ринге. Когда наш отец понял, что не может сдержать нашу привычку начинать друг с другом драки, он решил, что все ссоры будут решаться на арене, располагающейся в нашем личном спортзале. Это было и наказанием. Если мы не выполнили задание или проявили к нему неуважение, то должны были несколько раундов провести с ним — с самим дьяволом, — и отец никогда не поддавался. Не имеет значения, что мы его дети. Он все равно уложит любого на лопатки, чтобы показать его место.

Спустившись по лестнице, я повернула налево и прошла по длинному коридору к кабинету отца. Остановившись перед большой деревянной дверью, я подняла руку и два раза постучала.

— Входи, — раздался голос из комнаты.

Я тут же повернула ручку и открыла дверь.

В нос немедленно ударил запах сигарет и алкоголя (неудивительно, даже для девяти утра). Отец сидел за большим столом из красного дерева в центре комнаты. В фирменном костюме-тройке от Armani он был больше похож на модель для GQ, а не на хладнокровного русского мафиози.

Черные волосы лежали безупречно, и в них лишь изредка прорезались седые прядки. На лице — привычное отстраненное выражение, которое придавало ему вид непоколебимого лидера Братвы. Голубые глаза, яркие и цепкие, устремились на меня в ту же секунду, как я вошла.

Отец поднялся со своего места и обошел стол, направляясь ко мне.

— С днем рождения, принцесса, — сказал он по-русски, обнимая меня.

Коротко поцеловав в лоб, он еще раз крепко прижал меня к себе и отпустил. Затем полез во внутренний карман пиджака, достал конверт и протянул его мне.

Ах, этот идеальный подарок. Деньги. Я всегда могу положиться на Дражайшего Папочку в том, чтобы получить все самое лучшее.

Привстав на цыпочки, я поцеловала его в щеку и прошептала:

— Спасибо, отец.

Он выпрямился, поправил галстук и разгладил ладонями лацканы пиджака — верный знак того, что ему неловко. Отец любит меня, в этом я ни секунды не сомневаюсь, но проявлять нежность просто не умеет (и вообще демонстрировать эмоции и чувства).

Его с самого детства учили быть жестким. Беспощадным убийцей — именно таким, каким и полагается быть Пахану. Такое воспитание сделало его довольно суровым, а не чутким родителем.

Он прошел обратно к своему столу и сел в большое кожаное кресло, налив себе то, что, как я понимаю, было его второй или третьей рюмкой водки. Я убрала конверт в задний карман и осмотрелась.

Лукуян сидел на стуле перед отцовским столом, откинувшись на спинку и расслабленно закинув ногу

на ногу. Толстая коричневая сигара торчала у него изо рта, в руке он держал стакан, наполовину наполненный водкой.

Будучи самым младшим из моих братьев, он и вел себя соответственно — беззаботно и абсолютно пофигистично. Именно Лукьян всегда первым разряжал тяжелую обстановку черным юмором и дурацкими шуточками. Он никогда ничего не принимал всерьез и вечно валял дурака. Нас разделяла всего пара лет. Брат был старше, хотя догадаться об этом по его ребяческому поведению, постоянно выводившему меня из себя, было решительно невозможно.

Прокрутив стакан в руке, Лукьян поднес его к губам и осушил залпом. Стукнув им по отцовскому столу, он резко поднялся и подошел ко мне.

Ростом он не уступал Александру, но не был сложен как чертов рестлер с каменным прессом — скорее, отличался поджарой худобой. Темные волосы были стянуты в низкий хвост, и лишь пара прядей небрежно падала на лицо. Голубые глаза весело блеснули, а губы искривились в привычной ухмылке.

— С днем рождения, сестренка, — сказал он с явным русским акцентом в голосе. Неважно, сколько мы жили в Лас-Вегасе, — его произношение никогда не менялось, его корни всегда выплывали наружу.

— Спасибо, брат, — ответила я, обнимая его за талию.

Николай появился из теней за отцовским столом, и мне стоило большого труда не вздрогнуть. Отец пришел бы в ярость, узнай он, что я теряю бдительность и не слежу за тем, что происходит вокруг.

Подойдя ближе, Николай бесцеремонно оттолкнул Лукьяна в сторону. Он крепко обнял меня и уткнулся подбородком в мою макушку — при его

примерно двухметровом росте это не составило никакого труда.

— С днем рождения, — прошептал он, после чего отпустил меня и вернулся на свой привычный пост у стены.

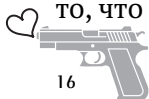
Если Лукьян был сумасшедшим идиотом в нашей семье, то Николай был его полной противоположностью: молчаливый, умный, целеустремленный. Николай был нашим мозгом, в то время как Лукьян был головной болью, которая бесила нас всех. Но Николай отличался не только выдающимся умом, он был еще и невероятно силен. Мы вечно гадали, кто победил бы в схватке — он или Александр. И я сейчас о настоящем бое, а не о дружеском спарринге. В нашей семье Николай отвечал за техническую безопасность и возглавлял службу охраны, контролируя все системы наблюдения. Он всю жизнь положил на алтарь Братвы, никогда ничего не делая ради себя. Братва была всем для него. Он жил и дышал ради Братвы.

Я поблагодарила их и двинулась в сторону кресла рядом с Лукьяном. Отец налил водки в стакан и передал мне. Я приняла его и, не моргнув, выпила залпом. Жидкость обожгла мне горло — успокаивающее и привычное ощущение.

Лукьян опустил в соседнее кресло и принял прежнюю позу. Он поднес сигару к губам, вдыхая несколько секунд, прежде чем выпустить дым.

— Так что, отец, зачем ты нас собрал? — спросил он рассеянно.

Мужчина повернул голову и пригвоздил Лукьяна к месту острым взглядом. Ответа не последовало. Он промолчал, и лишь едва приподнятая бровь выдала то, что вопрос сына был услышан.

Тот мгновенно пошел на попятную.

— Если что, я не требую от тебя ответа, отец, — быстро сказал он, выпрямляясь. — Я только... В смысле, я... Ну, ты понимаешь... Блин, — пробормотал он, опуская голову.

— Вот именно — «блин», придурок, — прошептала я ему, хотя и знала, что отец может меня услышать.

Нельзя спрашивать отца, что происходит. Он ответит, когда будет собран и готов, ни мгновением раньше.

— Мы обсудим твою дерзость позже, Лукьян, — произнес отец тихо и угрожающе.

Весь его вид дышал холодом и скрытой угрозой. Одно лишь присутствие этого человека заставляло... заставляло инстинктивно сжаться и искать путь к отступлению. Он был моим отцом. Я любила его. Уважала его. Но боялась. Я была бы душой, если бы не испытывала страха.

— Как только Александр вернется, мы начнем. Кстати, где твой брат? — спросил отец, обратив на меня убийственный взгляд и выгнув бровь.

Бля. Бля-ять. Будь спокойна. Если он узнает, что ты привела домой парня, ты следующей пойдешь на ринг.

— После того как он меня разбудил, ему пришлось срочно запереться в ванной. Внезапное расстройство живота, сам понимаешь. Диарея так и прет изо всех щелей, — быстро сказала я, изображая руками взрыв и добавляя звуковые эффекты. — Пуф!

Отец оставался неподвижным, его лицо сохраняло бесстрастное выражение, но я заметила легкое подергивание его губ. Он изо всех сил старался не смеяться, чтобы сохранить образ «русского гангстера». Три быстрых стука в дверь кабинета — и все

следы его смеха исчезли так же быстро, как и появились.

— Входи, — громогласно велел он.

Александр открыл дверь и вошел. Сдержанно кивнул, прошел вглубь комнаты и сел на диван. Откинувшись назад, он вытянул руки по спинке и закинул ногу на ногу.

Отец снова сосредоточил внимание на мне, в комнате воцарилась тишина.

— Начнем же.

ГЛАВА 2

Цлаяна Волкова

Отец взял стакан и сделал большой глоток водки, прежде чем начать.

— Наши люди в Нью-Йорке вышли на связь. Алессандро де Лука, глава Коза Ностры, потребовал встречи.

Тишина. Полная и абсолютная тишина. Ну, с другой стороны, какой реакции он ожидал? Не каждый день итальянская семья пытается установить хоть какие-то отношения с русскими. Мы не совсем враги, но и не друзья. Просто сосуществуем друг с другом. Мы остаемся в Лас-Вегасе, они — в Нью-Йорке. Конец истории. Мы не пересекаемся, не вступаем в конфликт, и нам всем от этого лучше. Так зачем что-то менять?

Александр, как всегда, первым нарушил молчание. Он наклонился вперед, положив локти на колени и сцепив пальцы.

— «Коза Ностра»? Точно?

— Абсолютно, — ответил отец, откидываясь на спинку стула. — Винченцо де Лука, сын Алессандро, передал послание лично, чтобы подтвердить

